

TS

2856

09.

ქართული
ნაციონალური
ბიბლიოთეკა

340

2856

~~R 67.322~~
80

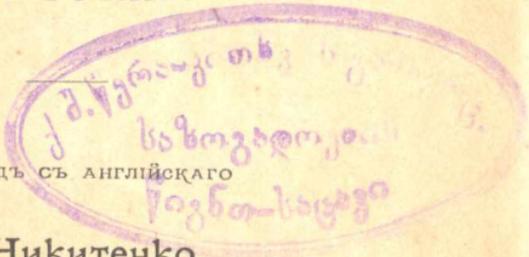
2856
335.

СОЦІАЛИЗМЪ

КАКЪ

ПРАВИТЕЛСТВО

И. ТЭНА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

С. Никитенко.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. Е. РЯВЧЕНКО

78, [27] стр. (17x12), (5.15.7)

Социализм.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 декабря 1884 г.

Типографія А. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2

TS

2856
—
09

СОЦІАЛИЗМЪ КАКЪ ПРАВИТЕЛСТВО.

Издавая переводъ послѣдняго произведенія И. Тэна, считаемъ необходимымъ сдѣлать одну оговорку. Произведеніе это озаглавлено «Соціализмъ какъ правительство» (Socialism as government) и имѣетъ цѣлью показать, между прочимъ, къ какимъ послѣдствіямъ могло бы повести осуществленіе на практикѣ стремленія соціалистовъ переустроить общественную жизнь по своему образцу и каково было бы правительство, если бы это переустройство совершилось и если бы соціалисты оказались облеченными высшею правительственною властью. Между тѣмъ въ статьѣ Тэна нѣтъ опредѣленія понятія соціализма и самое слово «соціалисты» встрѣчается въ ней довольно рѣдко. Въ концѣ же статьи говорится о стремленіяхъ настоящей партіи якобинцевъ во Франціи, какъ называетъ ихъ Тэнъ, и о дѣятельности партіи якобинцевъ во время первой французской революціи. Поэтому нѣкоторые читатели, можетъ быть, будутъ поставлены въ недоумѣніе кажущимся несоотвѣтствіемъ содержанія предлагаемой книги съ ея заглавіемъ. На самомъ дѣлѣ такого несоотвѣтствія совсѣмъ нѣтъ.

Въ настоящее время, вслѣдствіе крайняго разнообразія во взглядахъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ пар-

тій на соціальныя отношенія людей, самое понятіе социализма представляется довольно неопредѣленнымъ, причемъ иногда ему придаютъ слишкомъ широкое значеніе. Такъ, между прочимъ, Джонъ Стюартъ Милль въ своей «Автобіографіи» причисляетъ себя къ социалистамъ потому только, что считаетъ настоящій экономическій строи неудовлетворительнымъ и желаетъ измѣненія его къ лучшему, такъ чтобы распредѣленіе богатствъ являлось болѣе равномѣрнымъ. Тэнъ, какъ видно изъ предлагаемой книги, не раздѣляетъ такого широкаго пониманія социализма и считаетъ социалистами только представителей довольно распространеннаго нынѣ крайняго мнѣнія, по которому государство или община, чрезъ своихъ уполномоченныхъ, должны взять на себя цѣлкомъ какъ заботу объ умственномъ и нравственномъ развитіи своихъ членовъ, такъ и производство и распредѣленіе между послѣдними предметовъ, необходимыхъ для матеріальнаго благосостоянія людей. Подобныя требованія къ государству въ новѣйшее время съ особенною рѣзкостью выразились впервые въ періодъ французской революціи 1789 года со стороны клуба якобинцевъ. Поэтому-то Тэнъ, имѣя въ виду означенное крайнее социалистическое мнѣніе, говоритъ о партіи якобинцевъ, какъ типичныхъ, по его мнѣнію, представителей этого мнѣнія, прошлая дѣятельность которыхъ дастъ хорошій историческій примѣръ для иллюстраціи того, чего вообще можно ожидать отъ дѣятельности социалистовъ.

I.

Логическое созданіе упрощеннаго типа чело-
вѣчества, усиліе подвести подъ этотъ типъ жи-
ваго человѣка, вмѣшательство правительственной
власти во всѣ отрасли общественныхъ предпрія-
тій, стѣсненіе труда, торговли, пользованія собст-
венностью, наложеніе путъ на семью и воспитаніе,
на вѣрованія, на нравы и обычаи, на самое чув-
ство, принесеніе отдѣльной личности въ жертву
общинѣ, всемогущество государства — вотъ въ
чемъ суть яacobинской теоріи. Нельзя себѣ пред-
ставить ничего ретрограднѣе подобной теоріи,
такъ какъ цѣль ея — вернуть новаго человѣка къ
общественнымъ формамъ, сквозь которыя чело-
вѣчество уже прошло, оставивъ ихъ позади себя
тому назадъ восемнадцать вѣковъ. Это формы
исторической эры, предшествовавшей нашей. Онѣ
господствовали преимущественно въ греческихъ

и латинскихъ городахъ—въ Римѣ и Спартѣ, которые принимаются якобинцами за образецъ ¹⁾). Общество тамъ было выкроено на подобіе арміи или монастыря. Въ монастырѣ, какъ и въ арміи, преобладаетъ одна всепоглощающая мысль: цѣль инока во что бы то ни стало угодить Богу; солдатъ всѣмъ жертвуетъ, чтобы одержать побѣду. Согласно съ этимъ, оба отказываются отъ всякихъ другихъ помысловъ и желаній и всецѣло отдаются—монахъ своему уставу, солдатъ военной дисциплинѣ. Такъ точно и древній міръ имѣлъ лишь двѣ исключительныя заботы. Во-первыхъ, у каждаго города были свои собственные боги—основатели и покровители. Ихъ надлежало особенно чтить, иначе они лишали городъ своего благоволенія. Малѣйшая небрежность въ исполненіи обрядовъ могла оскорбить боговъ и погубить городъ. Во-вторыхъ, тогда шла непрерывная война, законы которой отличались крайней жестокостью. При взятіи какаго-либо города, каждый гражданинъ въ немъ могъ ожидать смерти или увѣчья, могъ быть проданъ съ аукціона, а жена его и дѣти при-

---

¹⁾ Buchez et Roux, XXXII. 354. (Рѣчь Робеспьера въ Конвентѣ, флореаля 18, года II). «Спарта сверкаетъ, какъ молнія, среди непроницаемой мглы».

суждались во владѣніе тому, кто за нихъ предлагалъ самую высокую цѣну ¹⁾.

Однимъ словомъ, древній городъ съ своимъ акрополемъ, своими храмами и укрѣпленными стѣнами, окруженный грозными, неумолимыми врагами, на нашъ взглядъ представлялъ нѣчто тождественное съ орденомъ іоанитскихъ рыцарей на скалахъ Мальты или Родоса, — т. е. изображалъ изъ себя какъ бы религіозно-воинственное братство, лагеремъ расположенное вокругъ церкви. О свободѣ при такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Общественныя требованія были слишкомъ настоятельны, опасность, грозящая обществу, слишкомъ велика.

Подъ такимъ давленіемъ, поставленное въ такіе тиски, частное лицо отдаетъ себя въ полное распоряженіе общины, которая имъ вполне и овладѣваетъ: ей для поддержанія собственнаго существованія необходимъ весь человѣкъ. Отсюда невозможность развиваться отдѣльно, для

---

¹⁾ Взятіе Милоса афинянами; побѣда надъ Фивами Александра; завоеваніе Коринѳа римлянами. Когда платейцы во время Пелопонезской войны сдались на волю побѣдителя, они были все до одного умерщвлены. Разбитаго въ Сициліи Никія безжалостно предають смерти. Плѣнникамъ въ Эгосъ-Патомосѣ рубяць пальцы.

самого себя. Никто не может дѣйствовать и мыслить иначе, какъ въ опредѣленныхъ рамкахъ. Типъ человѣка является ясно и отчетливо опредѣленнымъ — если не логически, то по крайней мѣрѣ на основаніи преданія.

Каждая жизнь, а равно и каждая часть каждой жизни должны сообразоваться съ этимъ типомъ. Въ противномъ случаѣ нарушается общественная безопасность. Всякое упущеніе въ гимнастической выправкѣ ослабляетъ армію; неоказаніе мимоходомъ обычныхъ почестей богамъ навлекаетъ на городъ небесную кару. Отсюда само собой выходитъ, что государство, какъ повластный господинъ, призвано, для предотвращения всякихъ уклоненій, отправлять безграничное правосудіе. За частнымъ лицомъ не остается ни малѣйшей свободы. Оно не можетъ располагать никакой частью самого себя. Нѣтъ уголка, гдѣ бы оно могло укрыться отъ мощной руки государственной власти. У него нѣтъ ничего своего: ни имущества, ни дѣтей, ни личности, ни мнѣній, ни совѣсти ¹⁾). Если каждый гражданинъ въ дни подачи голосовъ и является органомъ верховной власти, за то

---

¹⁾ Fustel de Coulanges: La Cité Antique, ch. 17.

все остальное время онъ живетъ въ полномъ подчиненіи, лишенъ свободы даже въ своихъ частныхъ привязанностяхъ. Для этого Римъ имѣлъ двухъ цензоровъ; одинъ изъ архонтовъ въ Аѳинахъ былъ инквизиторомъ по дѣламъ вѣры. Сократъ подвергся смертной казни за то, что не вѣрилъ въ боговъ, которымъ поклонялся его городъ ¹⁾. На самомъ дѣлѣ не только въ Греціи и Римѣ, но и въ Египтѣ, въ Китаѣ, въ Индіи, въ Персіи, въ Іудеѣ, въ Мексикѣ и Перу основы человѣческихъ общинъ въ первую эпоху цивилизаціи ²⁾ тѣ же, что у животныхъ или насѣкомыхъ. Отдѣльная личность тамъ принадлежитъ обществу также точно, какъ пчела улью, а муравей муравейнику. Она не болѣе какъ органъ въ организмѣ: надъ всѣмъ преобладаетъ одинъ

---

¹⁾ Платонъ: Защита Сократа. См. также у Критона причины, по которымъ Сократъ не захотѣлъ избѣгнуть смертной казни. Тамъ превосходно очерчено древнее понятіе о государствѣ.

²⁾ См. Сводъ законовъ Ману, Зендовесты, Пятикнижіе, Тчеу-ли. Этотъ послѣдній (переводъ на французскомъ языкѣ Биò) заключаетъ въ себѣ усовершенствованіе системы, преимущественно въ томахъ: I, 241, 247; II, 393; III, 9, 11, 21, 52. «Вождь каждаго округа въ двѣнадцатый день перваго мѣсяца сзываетъ все населеніе и читаетъ ему правила, съ которыми оно должно сообразовать свои дѣйствія. Онъ разбираетъ жизнь людей, ихъ поведе-

авторитетъ социализма въ различныхъ формахъ и примѣненіяхъ.

Совсѣмъ противоположное видимъ мы въ новѣйшемъ обществѣ. То, что нѣкогда составляло правило, теперь является исключеніемъ. Древняя система еще живетъ только во временныхъ ассоціаціяхъ, въ родѣ арміи, или въ специальныхъ, каковъ монастырь. Личность постепенно освободилась и съ теченіемъ вѣковъ усилилось ея значеніе. Обѣ цѣпи, нѣкогда приковывавшія ее къ общинѣ, нынѣ или совсѣмъ разбиты, или ослаблены. Съ одной стороны, общественная власть перестала сосредоточиваться въ арміи, поддерживающей религію. Съ торжествомъ христіанства, гражданское и религіозное общества превратились въ двѣ отдѣльныя области. Самъ

ніе, успѣхи на пути добродѣтели и знанія; ободряетъ ихъ; подвергаетъ изслѣдованію ихъ проступки и заблужденія; предостерегаетъ ихъ отъ зла; наблюдаетъ за правильностью браковъ и слѣдитъ за тѣмъ, чтобы молодые люди не вступали въ бракъ ранѣе узаконеннаго срока». Между прочимъ, тутъ же есть указаніе на превращеніе чело-вѣка въ государственнаго автомата. По поводу учрежденія должности надзирателя за кляпомъ говорится: «Во время большихъ охотъ и въ многочисленныхъ военныхъ собраніяхъ предписывается употребленіе кляпа. Въ такихъ случаяхъ кляпъ влагается въ ротъ солдатамъ; тогда они безъ шума и крика отправляютъ свои обязанности».

Христось раздѣлилъ кругъ ихъ дѣйствій, завѣщавъ: «Отдавать кесарево кесарю, а Божіе Богу». Съ другой стороны, возникновеніе протестантства повело къ распаденію обширной христіанской церкви на многочисленныя секты. Послѣднія, будучи не въ силахъ побороть одна другую, принуждены существовать совмѣстно, а государство, даже въ случаяхъ, когда отдаетъ предпочтеніе одной изъ нихъ, считаетъ нужнымъ терпѣть остальные. Наконецъ, съ развитіемъ протестантизма, философіи и наукъ, умножилось число спекулятивныхъ вѣрованій. Нынѣ почти столько же вѣрованій, сколько мыслящихъ людей. Число послѣднихъ ежедневно возрастаетъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивается и количество различныхъ мнѣній, такъ что если бы государство вздумало навязывать обществу одно изъ нихъ предпочтительно передъ другими, это вызвало бы оппозицію со стороны безчисленнаго множества лицъ. Отсюда слѣдуетъ, что мудрость государства заключается прежде всего въ соблюденіи нейтралитета, а затѣмъ въ признаніи себя неспособнымъ ко вмѣшательству. Затѣмъ войны теперь сдѣлались менѣ частыми и гибельными: у людей стало меньше причинъ къ войнѣ и нѣтъ больше тѣхъ поводовъ доводить ее до

послѣднихъ крайностей. Въ прежнее время война была главнымъ источникомъ богатствъ. Побѣда доставляла человѣку рабовъ, подданныхъ, данниковъ, которыхъ онъ обращалъ себѣ на служеніе и извлекалъ роскошь и наслажденія изъ ихъ принудительнаго труда. Нынѣ не видно ничего подобнаго. Люди перестали хлопотать о снабженіи себя человѣческими стадами. Они убѣдились, что изъ всѣхъ животныхъ человѣкъ самое безпокойное, наименѣе производительное и наиболѣе опасное. Комфортъ и безопасность гораздо успѣшнѣе достигаются посредствомъ машинъ и свободнаго труда.

Главная задача нашего времени не въ завоеваніяхъ, а въ производствѣ и въ обмѣнѣ. Человѣкъ, все болѣе и болѣе преуспѣвая на гражданскихъ поприщахъ, съ каждымъ днемъ неохотнѣе мирится съ препятствіями, которыя стоятъ поперегъ его намѣреній. Если онъ еще соглашается быть солдатомъ, то никакъ не съ наступательными, а съ оборонительными цѣлями. Войну, съ теченіемъ времени, начали вести по правиламъ науки; она сдѣлалась сложнѣе, а слѣдовательно и дороже. Государство не можетъ больше, не разоряя себя, призывать къ оружію и на всю жизнь удерживать на воен-

ной службѣ всѣхъ своихъ здоровыхъ гражданъ, равно какъ не можетъ слишкомъ многочисленными и стѣснительными мѣрами препятствовать развитію той свободной промышленности, которая, по системѣ налоговъ, снабжаетъ его средствами къ существованію. Какъ бы близоруко ни было государство, оно и въ своихъ военныхъ интересахъ сообразуется съ гражданскими. Такимъ образомъ изъ двухъ сѣтей, опутывавшихъ человѣческую дѣятельность, одна совсѣмъ порвана, въ другой отпущены петли. Нѣтъ болѣе поводовъ облекать во всемогущество общину; отдѣльной личности не зачѣмъ въ конецъ отъ себя отрекаться; она безъ неудобствъ можетъ удерживать за собой часть самой себя. Если бы ей пришлось теперь скрѣплять своей подписью новый общественный договоръ, она, конечно, выговорила бы себѣ это право.

II.

Измѣнились не одни только внѣшнія обстоя-
тельства, но и самый духъ вещей. Человѣкъ
нынѣ воодушевленъ чувствомъ, которому про-
тивны древнія условія жизни. Въ случаѣ край-
ности, подъ давленіемъ грубой необходимости,
я, конечно, могу на время, безъ особенныхъ
оговорокъ, отдать себя въ распоряженіе госу-
дарства. Но никогда не подпишусь я завѣдомо,
сознательно и искренно подъ полнымъ отречені-
емъ навсегда отъ собственной личности. То бы-
ло бы противно моей совѣсти и чести — этимъ
двумъ моимъ принадлежностямъ, отъ которыхъ
я не могу и не долженъ отказываться. Я не
соглашусь выпустить изъ рукъ своей совѣсти и
чести. Я ихъ единственный хозяинъ и храни-
тель; я не довѣрю ихъ даже родному отцу.

Оба эти термина новые: они выражаютъ понятія, незнакомыя древнимъ¹⁾). Оба полны глубокаго смысла и богаты результатами. Подобно почкѣ, отпадающей отъ стебля и пускающей свой собственный корень, частное лицо, въ силу этихъ понятій, отдѣлилось отъ первоначальнаго тѣла, съ которымъ было связано, — отъ клана, семьи, касты, города, гдѣ до того времени жило незамѣтное, затерянное въ толпѣ. Оно перестало быть органомъ и дополненіемъ, сдѣлалось вполнѣ самостоятельной личностью. Первое изъ этихъ понятій христіанскаго происхожденія, второе — феодальнаго. Оба, одно слѣдуя за другимъ и сливаясь, служатъ мѣриломъ громаднаго разстоянія, отдѣляющаго духъ древняго міра отъ новѣйшаго.

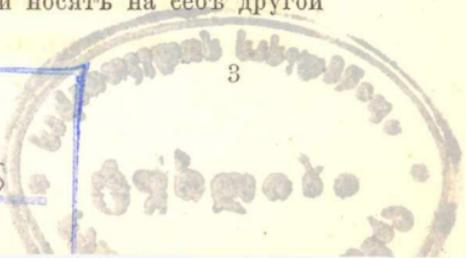
¹⁾ Ни въ греческомъ, ни въ латинскомъ языкахъ нѣтъ соотвѣтственныхъ этимъ двумъ понятіямъ словъ. *Conscientia*, *dignitas*, *honor* представляютъ лишь ихъ различныя оттѣнки. Эта разница особенно поражаетъ въ сопоставленіи новѣйшихъ словъ: чуткая совѣсть; строгая совѣсть, и во фразѣхъ: онъ въ томъ то или въ томъ то полагаетъ свою честь; это составляетъ для него вопросъ чести, и т. д. Технические термины древней морали: красота, добродѣтель, высшее благо имѣютъ другое происхожденіе и носятъ на себѣ другой отпечатокъ.

и. тѣнъ.

3

TS

2856
09

Лишь въ присутствіи Бога христіанинъ со-
знаетъ, что всякая связь между нимъ и окру-
жающею его группою таетъ, какъ воскъ. Онъ
стоитъ лицомъ къ лицу съ Великимъ Судіей и
этотъ непогрѣшимый Судія видитъ всѣ души,
какъ онѣ есть, не смутно и въ массѣ, а каж-
дую въ отдѣльности. Никто передъ Его судомъ
не призванъ отвѣчать за другого. Каждый от-
вѣчаетъ лишь за себя, несетъ отвѣтственность
только за свои собственныя дѣла. Но значеніе
этихъ дѣлъ громадное, ибо душа, искупленная
Богомъ, имѣетъ безконечную цѣнность. Отсюда
исходитъ и безконечная награда или наказаніе
души согласно съ тѣмъ, на сколько она восполь-
зовалась божественной жертвой. Съ послѣднимъ
судомъ для нея откроется вѣчность, полная
мукъ или блаженства. Всѣ другіе интересы
исчезаютъ передъ этимъ однимъ, столь необъ-
ятной важности. Такимъ образомъ главнѣйшею
изъ цѣлей является достиженіе праведности, не
въ глазахъ людей, а передъ Богомъ, и душа
изо дня въ день возобновляетъ внутри себя
трагическій допросъ, на которомъ Судія вопро-
шаетъ, а грѣшникъ отвѣчаетъ. Допросъ этотъ
длится восемнадцать вѣковъ и ему предстоитъ
еще продолжаться. Подъ вліяніемъ его совѣсть

стала крайне чуткою и у человѣка сложилось понятіе о безусловномъ правосудіи. Облечено ли оно въ образъ всемогущаго властелина или существуетъ въ качествѣ самобытной истины, въ родѣ математической, — священное значеніе этого правосудія остается тоже, а слѣдовательно не умалется и его авторитетъ. Оно повелительно отдаетъ приказанія; ему надлежитъ во что бы то ни стало повиноваться: существуютъ суровыя обязанности, исполненіе которыхъ строго обязательно для каждаго человѣка. Никакой другой долгъ не можетъ отъ нихъ избавить. Если человѣкъ ихъ не выполняетъ вслѣдствіе другихъ, противоположныхъ обязательствъ, виновность его вовсе не уменьшается, а, напротивъ, увеличивается отъ того факта, что онъ взялъ на себя такія обязательства. Обязуясь совершить преступленіе, я тѣмъ самымъ уже совершаю его. Вина человѣка тогда представляется двойною, и внутренній голосъ, вмѣсто одного раза, укоряетъ его дважды. Изъ этого слѣдуетъ, что чѣмъ чутче совѣсть, тѣмъ сильнѣе возстаетъ она противъ самоотреченія. Она заранѣе уклоняется отъ всякаго договора, который можетъ повести къ дурнымъ поступкамъ и не хочетъ давать людямъ право навязывать ей раскаяніе.

Одновременно съ этимъ возникло и другое чувство, не менѣе драгоцѣнное, но еще болѣе сильное, человѣчное и дѣйствительное. Такъ какъ въ ту пору не было никакой общественной силы, одинокій въ своей твердынѣ феодалный военачальникъ ни на кого не могъ рассчитывать, кромѣ самого себя. Ему слѣдовало самому подѣ часъ даже чрезмѣрно себя защищать. Если въ анархическомъ и воинственномъ обществѣ, среди котораго тогда приходилось жить, кто-либо допускалъ хоть малѣйшій захватъ или оставлялъ не наказанною самую пустую обиду, тотъ считался слабымъ или трусомъ и становился добычею другихъ. Приходилось подѣ угрозой смертной казни быть гордымъ и заносчивымъ. Но не думайте, чтобъ это было трудно феодалному владыкѣ. Неограниченный въ своихъ владѣніяхъ властелинъ, онъ былъ тамъ единственнымъ существомъ высшаго разряда, которое не имѣло себѣ равныхъ¹⁾. Отсюда его

---

¹⁾ Montaigne: Essais, liv. I. ch. 42. «Обратите вниманіе въ отдаленныхъ отъ двора провинціяхъ, напр. въ Бретани, на свиту и подчиненныхъ, а также на нравы и обычаи сеньера, который живетъ самъ по себѣ и выросъ среди вассаловъ. Прослѣдите за полетомъ его фантазіи: это по истинѣ царственный полетъ. О томъ, кто выше

обособленность, длившаяся цѣлые девятьсотъ лѣтъ ¹⁾. Такимъ образомъ онъ самъ считалъ себя и все ему принадлежавшее неприкосновеннымъ. Онъ предпочиталъ лучше все ставить на карту, всѣмъ жертвовать, чѣмъ терпѣть малѣйшее нарушеніе своихъ преимуществъ ²⁾. Гордый духъ — лучший стражъ всякаго права: онъ его охраняетъ не только съ цѣлью сохранить за собой, но еще и гораздо больше для собственнаго удовлетворенія. Человѣкъ самъ изобрѣтаетъ характеръ, приличный его положенію, и затѣмъ держится его, какъ лозунга. Онъ съ той минуты не только начинаетъ требовать уваженіе къ себѣ другихъ, но и самъ себя уважаетъ. Въ немъ живетъ чувство чести, благо-

---

его, онъ вспоминаетъ развѣ только однажды въ годъ, да и то какъ о какомъ-нибудь царѣ персидскомъ... Время власти врядъ ли два раза въ жизни даетъ себя чувствовать французскому дворянину, который ютится исключительно у своего очага и умѣетъ безъ спора и обидъ править домашними: онъ свободенъ не менѣе венеціанскаго дожа».

¹⁾ Mémoires de Chateaubriand, vol. I (Les Soirées au Château de Combourg).

²⁾ Въ Китаѣ нравственное чувство совсѣмъ обратное. Китайцы среди препятствій и затрудненій всегда предписываютъ siao-sin, т. е. даютъ совѣтъ умѣрять свои чувства. Hué: L'Empire Chinois, I, 204.

родной гордости, которая побуждаетъ его **быть** великодушнымъ, и онъ считаетъ себя неспособнымъ ни на что низкое. Онъ можетъ ошибаться въ оцѣнкѣ своихъ поступковъ; мода и тщеславіе могутъ его слишкомъ далеко заводить и вовлекать въ легкомысліе и мелочность; онъ можетъ неумѣстно опредѣлять границы своей чести. Но въ итогѣ, и именно вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства, ему удалось сохранить свою позицію даже при такихъ государяхъ, какъ Филиппъ II въ Испаніи, Людовикъ XIV во Франціи, Фридрихъ II въ Пруссіи. Отъ феодальнаго барона или царедворца тѣхъ временъ эта традиція чести тянется внизъ, постепенно спускаясь со ступени на ступень и доходя до самыхъ низшихъ слоевъ общества. Нынѣ каждый человѣкъ съ характеромъ, мѣщанинъ, крестьянинъ, рабочій, также точно какъ и дворянинъ, имѣетъ свое понятіе о чести. Онъ тоже, не смотря на лежащія на немъ общественныя тяжести, сохраняетъ за собой неприкосновеннымъ укроанный уголокъ, въ которомъ сложенъ запасъ его вѣрованій, убѣжденій, привязанностей, сыновнихъ, супружескихъ и родительскихъ обязанностей,—т. е. всего, что у него есть самага дорогаго въ жизни. Этотъ уголокъ

принадлежить ему одному; никто, даже во имя общества, не имѣетъ права въ него вторгаться; открыть въ него доступъ было бы дурнымъ дѣломъ; лучше умереть, чѣмъ уступить отъ него ключъ ¹⁾. Когда воинствующее чувство чести оказывается на сторонѣ совѣсти, оно превращается въ добродѣтель ²⁾. Таковы въ настоящее время двѣ преобладающія въ европейской нравственности идеи ³⁾. Совѣсть указываетъ чело-

1) Въ Соединенныхъ Штатахъ нравственный порядокъ вещей покоится преимущественно на пуританскомъ образѣ мыслей. Тѣмъ не менѣ тамъ встрѣчаются глубокіе—даже болѣе чѣмъ гдѣ-либо — слѣды феодальныхъ понятій. Таково между прочимъ всеобщее, вполне рыцарское, даже чрезмѣрное почитаніе женщинъ.

2) Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ женщинѣ новѣйшихъ временъ всего больше служитъ ей для защиты ея добродѣтели. Чувство долга беретъ начало въ скромности, но послѣдняя находитъ себѣ гораздо больше поддержки въ чувствѣ чести и прирожденной гордости.

3) Мѣрка нравственности подвергается измѣненіямъ, но всегда на основаніи опредѣленнаго закона, какъ математическое дѣйствіе. Каждая община имѣетъ свои нравственные элементы, свою собственную организацію, свою исторію, обстоятельства и неизбѣжно свои собственные условія жизненности. Избраніе и оплодотвореніе царицы-матки въ пчелиномъ ульѣ является условіемъ, которое влечетъ за собой избіеніе всѣхъ остальныхъ бесполезныхъ самцовъ и самокъ-соперницъ. Въ Китаѣ условія жизненности заключаются въ родительскомъ авторитетѣ, въ ли-

вѣку обязанности, отъ которыхъ ничто не можетъ его освободить; честь побуждаетъ его заявлять свои требованія на права, которыхъ никто не можетъ у него отнять. Наша цивилизація вышла изъ этихъ двухъ корней и ростъ ея еще продолжается. Изслѣдуйте глубину и пространство почвы, охваченной этими корнями, и вы получите мѣрку крѣпости послѣднихъ.

тературномъ образованіи и въ обрядности. Въ древнемъ классическомъ городѣ они таились во всемогуществѣ государства, въ гимнастическомъ развитіи и въ рабствѣ. Въ каждомъ столѣтіи, въ каждой странѣ эти условія жизненности выражаются въ болѣе или менѣе наслѣдственныхъ постановленіяхъ, которыя предписываютъ или воспрепятствуютъ тотъ или другой образъ дѣйствій. Имѣя ихъ постоянно въ умѣ, личность приходитъ къ сознанію долга. Пренебрегая ими, она испытываетъ раскаяніе. Нравственная борьба состоитъ въ столкновеніи такихъ общихъ для всѣхъ обязательныхъ постановленій съ личными побужденіями. Въ нашемъ, европейскомъ обществѣ условіе жизненности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общее постановленіе состоитъ въ уваженіи къ себѣ и къ другимъ (включая сюда женщинъ и дѣтей). Это новое постановленіе въ обществѣ имѣетъ большое преимущество надъ предшествующими. Каждая отдѣльная личность, пользуясь уваженіемъ, можетъ развиваться согласно своей природѣ. Она можетъ изобрѣтать во всѣхъ направленіяхъ, производить во всѣхъ родахъ, приносить всяческую пользу себѣ и другимъ и такимъ образомъ содѣйствовать безконечному развитію общества.

Измѣрьте вышину и безконечный ростъ деревь-
евъ, которыя они кормятъ, и вы увидите до
какой степени они здоровы. Повсюду, гдѣ от-
сутствовалъ тотъ или другой элементъ, въ Ки-
таѣ, въ Римской имперіи, въ странѣ Ислама, —
соки изсякали, дерево хирѣло или падало. Эти
два корня поддерживаютъ жизненность въ на-
шей цивилизаціи и содѣйствуютъ ея распро-
страненію; они сообщаютъ крѣпость ея благо-
роднѣйшимъ отраслямъ, лучшимъ плодамъ; че-
ловѣческіе отпрыски ихъ хуже или лучше,
благодаря большей или меньшей чистотѣ со-
ковъ. И эти то корни стремятся подрѣзать
якобинскій топоръ! И отъ кого требуетъ новый
общественный договоръ такого отреченія? Не
отъ китайца, не отъ древняго грека или рим-
лянина, не отъ мусульманина, не отъ негра
или дикаря, а отъ новѣйшаго человѣка, — отъ
христіанина, какъ въ святилищѣ укрывающа-
гося за своей совѣстью, отъ того, кто былъ во-
спитанъ феодализмомъ и для кого честь — не-
приступная крѣпость!

Но въ чьи же руки обязанъ я при этомъ
демократическомъ правленіи, основанномъ на пре-
обладаніи большинства, совершать свое отре-
ченіе? Теоретически — въ руки общины, т. е.

толпы, въ которой безымянный импульсъ замѣняетъ личное сужденіе; гдѣ дѣйствіе обезлично коллективностью; гдѣ никто не признаетъ за собой отвѣтственности; — толпы, которая увлекаетъ меня, какъ вихрь песчинку, и гдѣ всякаго рода оскорбленія заранѣе оправдываются государственными причинами. Практически—въ руки поголовнаго большинства. Это послѣднее, возбужденное борьбой за господство, станетъ злоупотреблять своей побѣдой и чинить вредъ меньшинству, къ которому и я могу принадлежать. Большинство это къ тому же временное: оно рано или поздно уступить мѣсто другому, и я, сегодня притѣснитель, завтра превращусь въ притѣсняемаго. А главное, большинство это состоитъ изъ шести или семи сотъ представителей, изъ которыхъ я призванъ избирать лишь одного. Для этого я располагаю всего однимъ голосомъ изъ десяти тысячъ. Содѣйствуя упомятому избранію, я, значить, являюсь только одной десятитысячной частицей, а при избраніи остальныхъ представителей совсѣмъ ничего не значу. Вотъ этихъ-то шесть или семь сотъ мнѣ совершенно чужихъ людей я уполномочиваю все за меня рѣшать, т. е. облакаю ихъ въ неограниченную власть не только надъ моей соб-

ственностью и жизнью, но и надъ моей совѣстью со всѣми ея атрибутами. Эта власть превышаетъ ту, которую я даю надъ собой по частямъ десятку различныхъ лицъ, внушающихъ мнѣ гораздо больше довѣрія:—моему повѣренному въ дѣлахъ, воспитателю моихъ дѣтей, доктору, слѣдящему за моимъ здоровьемъ, духовнику, руководящему моей совѣстью, душеприкащикамъ, исполняющимъ мою послѣднюю волю, секундантамъ, которые на дуэль рѣшаютъ вопросъ о моей жизни и смерти и охраняютъ мою честь. Не говоря уже о плачевномъ фарсѣ, столь часто разыгрываемомъ у избирательныхъ урнъ, о насильственныхъ и неправильныхъ выборахъ, объ оффиціальныхъ вымыслахъ, на основаніи которыхъ, какъ это бываетъ въ наше время, нѣсколько фанатиковъ и безумцевъ выдаютъ себя за представителей націи, а на самомъ дѣлѣ представляютъ только самихъ себя,—не говоря уже обо всемъ этомъ, какое довѣріе могу я, даже послѣ честныхъ выборовъ, питать къ избираемымъ представителямъ? Но помимо этого, какъ часто приводилось мнѣ еще подавать голосъ за побѣжденнаго кандидата: тогда моимъ представителемъ являлся другой, котораго я вовсе не желалъ. Когда же

оказывалось, что я подавалъ голосъ за имѣвшаго успѣхъ кандидата, я могъ это дѣлать единственно потому, что не зналъ другого, лучшаго, а соперникъ его казался мнѣ еще хуже. Да и видѣлъ-то я его лишь урывками, и зналъ о немъ только, какого цвѣта одежду онъ носить, и какъ ударяетъ себя въ грудь. Мнѣ о немъ извѣстно лишь то, что я могу извлечь изъ его почти всегда сбивчивыхъ и высокопарныхъ рѣчей, да изъ уличныхъ и газетныхъ о немъ сплетень. Его право на мое довѣріе самое пустое, самое ничтожное. Я не имѣю никакихъ доказательствъ ни его честности, ни способностей. У него нѣтъ, какъ у учителя, диплома, который свидѣтельствовалъ бы о его знаніи,— не можетъ онъ также представить за себя и поручительства цѣлой корпораціи, какъ докторъ, священникъ или адвокатъ. Съ такой рекомендаціей, какъ у него, не многіе рѣшились бы нанять слугу. И это тѣмъ болѣе, что классъ, изъ котораго я вынужденъ выбирать себѣ представителя — классъ политическихъ дѣятелей, вездѣ подозрительный, а тѣмъ болѣе тамъ, гдѣ существуетъ общая подача голосовъ. Классъ этотъ набирается не изъ независимыхъ, наиболѣе честныхъ и способныхъ людей, а изъ крас-

нобаевъ, рьяныхъ, интригующихъ шарлатановъ, которые, за недостаткомъ характера, не имѣли успѣха въ частныхъ предпріятіяхъ и на другихъ поприщахъ, гдѣ за каждымъ шагомъ зорко слѣдятъ и гдѣ строго взвѣшиваютъ достоинства. Они тогда бросаются въ окольные пути, гдѣ недобросовѣстность и отсутствіе скромности составляютъ скорѣе силу, чѣмъ слабость. Ихъ наглость и безстыдство широко раскрываютъ передъ ними двери общественной карьеры. Вотъ та священная особа, въ руки которой я, по теоріи, призванъ отдать свою личность. Если признать необходимымъ самоотреченіе, то я гораздо скорѣе согласенъ отдать себя въ руки короля или аристократіи, хотя бы то даже наследственной: тогда за моихъ представителей по крайней мѣрѣ ручались бы ихъ санъ и предполагаемая способность. Демократическое правленіе по своему и составу представляетъ систему, при которой на долю частнаго лица выпадаетъ всего меньше довѣрія и уваженія со стороны его представителей. Слѣдовательно, это такая система, при которой послѣднимъ надо давать какъ можно меньше власти. Совѣсть и честь повсюду предписываютъ человѣку удерживать за собой частицу независимости, но нигдѣ не

слѣдуетъ ему уступать ее меньше, чѣмъ здѣсь. Нынѣ вообще считаютъ нужнымъ ограничивать кругъ дѣятельности государства, но это всего необходимѣе при демократическомъ образѣ правленія.

III.

Постараемся опредѣлить границы дѣятельности государства. Послѣ сумятицы нашествій и завоеваній, въ моментъ наибольшаго раздробленія общества, среди ежедневныхъ стычекъ между различными партіями, возникла въ европейскихъ обществахъ такъ называемая государственная (public) власть, которая дѣйствовала затѣмъ въ теченіи многихъ вѣковъ и дѣйствуетъ понынѣ. Какъ она была организована, какимъ подвергалась превратностямъ и насиліямъ, съ чѣмъ боролась, въ чьихъ она теперь рукахъ — временно или навсегда, — на какомъ основаніи совершается ея передача, наследственная она или избирательная, — все это для насъ вопросы второстепенные. Главное въ ея отправленіяхъ и въ кругѣ дѣйствія послѣднихъ. По существу своему власть эта могучій мечъ, первоначально обнаженный для усмиренія меньшихъ мечей, которыми частныя лица рѣзали другъ другу горло. Подъ угрозой его эти меньшіе мечи по-

прятались въ ножны, принуждены были бездѣйствовать, сдѣлались ненужными и заржавѣли. Нынѣ люди, за небольшими исключеніями, всё утратили привычку и желаніе ими пользоваться. Государственный мечъ такъ страшенъ въ этомъ умиротворенномъ обществѣ, что всякое частное сопротивленіе мгновенно исчезаетъ лишь только онъ сверкнетъ. Два интереса сковали его. Онъ былъ сначала нуженъ для того, чтобы противо-дѣйствовать другимъ подобнымъ же мечамъ, которыми грозили извнѣ сосѣднія общества, а потомъ сталъ употребляться для укрощенія меньшихъ мечей, какіе постоянно точатся внутри страны дурными страстями. Люди искали защиты отъ внѣшнихъ враговъ и отъ внутреннихъ злоумышленниковъ и убійць. Медленно и съ трудомъ, послѣ многихъ исканій оцупью и неоднократно попытокъ, образовалась наконецъ, благодаря соединеннымъ усиліямъ поколѣній, рука, одна способная не безъ успѣха защищать жизнь и собственность людей. Доколѣ государство этимъ только и ограничивается, я сознаю себя вполне ему обязаннымъ: оно даетъ мнѣ безопасность, которою я иначе не могъ бы пользоваться. Въ замѣнъ я долженъ снабжать его средствами, необходимыми для содержанія въ исправности ме-

ча въ его рукахъ. Всякая услуга требуетъ со-
отвѣтственнаго вознагражденія. Значить, между
мною и государствомъ существуетъ если и не
положительный договоръ, то во всякомъ случаѣ
безмолвное соглашеніе, въ родѣ того, какое свя-
зываетъ сына съ отцомъ или вѣрующаго съ
церковью. Это взаимное соглашеніе съ обѣихъ
сторонъ ясно и опредѣленно. Государство обя-
зывается заботиться о моей внѣшней и внут-
ренней безопасности. Я обязываюсь снабжать
его нужными на то средствами, то есть питать
къ нему благодарность, оказывать ему уваже-
ніе, быть ревностнымъ гражданиномъ, отбывать
воинскую повинность, платить подати, говоря
иначе, давать ему все необходимое для содер-
жанія арміи, флота, гражданскихъ и уголовныхъ
судовъ, милиціи и полиціи, административныхъ
и дипломатическихъ учрежденій, — однимъ сло-
вомъ, предлагать ему цѣлый гармоническій рядъ
органовъ, питаніе и кровь которыхъ въ моей покор-
ности и преданности ему. Кто бы я ни былъ, бо-
гачъ или бѣднякъ, католикъ, протестантъ, еврей
или свободный мыслитель, роялистъ, республика-
нецъ, приверженецъ свободы личности или социа-
листъ, я, по чести и совѣсти, обязанъ покорностью
и вѣрностью, потому что уже получилъ за нихъ

нѣчто равносильное. Миѣ очень пріятно, что меня не побѣждаютъ, не убиваютъ и не грабятъ. Я плачѹ обратно государству лишь то, что оно тратитъ на устройство учреждений, необходимыхъ для укрощенія грубаго корыстолюбія, алчныхъ стремленій, кроваваго фанатизма и всей необузданной стаи страстей и вожделѣній, жертвою которыхъ я, рано или поздно, палъ бы, еслибъ государство не бодрствовало надо мною непрестанно. Когда оно требуетъ уплаты за свои издержки, это не значить, чтобы оно меня лишало моей собственности. Вовсе нѣтъ: оно только беретъ обратно свое же, и если смотрѣть на дѣло съ этой точки зрѣнія, то государство совершенно вправѣ путемъ закона принуждать меня къ уплатѣ. Впрочемъ, это подѣ условіемъ, что оно не станетъ отъ меня ничего требовать сверхъ должнаго. Но оно это дѣлаетъ всякій разъ, когда переходитъ за черту своего первоначальнаго обязательства; когда беретъ на себя дополнительный матеріальный или нравственный трудъ, о которомъ я его не прошу; когда принимаетъ на себя роль сектатора, моралиста, филантропа или педагога; когда стремится къ распространенію въ своихъ предѣлахъ или за ними какого-нибудь религіознаго или философ-

скаго догмата, той или другой политической или соціальной доктрины. Въ такихъ случаяхъ оно прибавляетъ новую статью къ первоначальному условію, — статью, которая не опирается, какъ первоначальный договоръ, на единодушное и несомнѣнное согласіе всѣхъ. Мы всѣ желаемъ быть ограждены отъ насилія и обмана, но помимо этого желанія наши почти по всѣмъ остальнымъ пунктамъ расходятся. У меня моя собственная религія, мои собственные убѣжденія, нравы, привычки, мое особенное воззрѣніе на жизнь и на міръ. Все это составляетъ мою личность, отъ которой совѣсть и честь воспрещаютъ мнѣ отречься и которую государство обѣщалося хранить неприкосновенною. Слѣдовательно, если оно съ помощью дополнительной статьи берется регулировать мою совѣсть и честь, да еще дѣлаетъ это способомъ, мнѣ несочувственнымъ, оно нарушаетъ свой первоначальный договоръ и вмѣсто покровительства оказываетъ мнѣ притѣсненіе. Даже и тогда, если оно встрѣтитъ поддержку большинства, если всѣ подававшіе голосъ, за исключеніемъ одного, согласятся довѣрить ему дополнительную функцію, — то и тогда, при существованіи этого единственнаго диссидента, по-

слѣдному будетъ нанесенъ двойной ущербъ. Во-первыхъ, государство для выполненія новой задачи неизбѣжно обратится къ нему съ требованіемъ новыхъ субсидій и услугъ. Всякій дополнительный трудъ влечетъ за собой и дополнительные издержки. Бюджетъ оказывается чрезмѣрно обремененнымъ всякій разъ, когда государство берется доставлять работу земледѣльцамъ или заказы художникамъ, — когда оно начинаетъ оказывать содѣйствіе тому или другому промышленному или торговому предпріятію, выдавать пособія, доставлять образованіе. А если оно вздумаетъ подъ вліяніемъ великодушія или въ видахъ пропаганды какой-нибудь идеи начать войну, то къ денежной тратѣ присоединяется еще и трата крови. Меньшинство, которое не одобряетъ эти траты, однако призвано въ нихъ участвовать наравнѣ съ одобряющимъ ихъ большинствомъ. Тѣмъ хуже для рекрута и для плательщика податей, если они принадлежатъ къ группѣ недовольныхъ. Хотятъ они того или нѣтъ, а сборщикъ податей засовываетъ руку въ карманъ плательщика и сержантъ хватается за воротъ рекрута. Мало того, государство во многихъ случаяхъ не только несправедливо и сверхъ моихъ средствъ беретъ

у меня деньги, но еще несправедливо пользуется тѣми суммами, которыя у меня вымогаетъ, употребляя ихъ на новыя притѣсненія. Такъ бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно навязываетъ мнѣ свою религію или философію, когда предписываетъ мнѣ или воспрещаетъ тотъ или другой способъ вѣрованія, когда берется управлять моими нравами и привычками, ограничивать мой трудъ и расходъ, руководить воспитаніемъ моихъ дѣтей, опредѣлять цѣну моему товару, назначать вознагражденіе за мой трудъ. Въ такихъ случаяхъ оно, для поддержанія своихъ требованій и запрещеній, налагаетъ на непокорнаго болѣе или менѣе легкія или суровыя наказанія, каковы лишеніе политическихъ и гражданскихъ правъ, штрафъ, тюремное заключеніе, ссылка и гильотина. Иными словами, деньги, которыя я ему не обязанъ платить, а оно у меня отнимаетъ, идутъ на уплату противъ меня же направленаго преслѣдованія. Я принужденъ на свой счетъ содержать своихъ собственныхъ инквизиторовъ, своего тюремщика и палача. Трудно себѣ представить болѣе вопіющее притѣсненіе! Государство особенно должно остерегаться, чтобы не выходить изъ предѣловъ лежащей на немъ задачи и не вторгаться въ сферу, чуждую его цѣли.

IV.

Посмотримъ теперь что составляетъ сферу дѣятельности государства. Она обширна и вѣтви ея обнимають всѣ уголки частной жизни. Всякая частная собственность, матеріальная или нравственная, является соблазномъ для сосѣдей, которые стремятся ею завладѣть. Сохранить ее неприкосновенною можно только съ помощью высшаго вмѣшательства или посредничества третьяго лица. Приобрѣтать, владѣть, продавать, дарить, завѣщать, договариваться — мужу съ женой, родителямъ съ дѣтьми, господину со слугой, нанимателю съ наемщикомъ — все это дѣйствія, которыя предполагають права, ограничиваемыя другими, встрѣчными и враждебными имъ правами. Государство проводить между ними пограничную черту. Не то, чтобъ оно само создавало эту черту, но оно за-

ботится о признаніи ея, когда она проведена. Для этого оно издаетъ гражданскіе законы и примѣняетъ ихъ посредствомъ судебныхъ учреждений, съ помощью жандармовъ, такъ чтобъ обезпечивать за каждой личностью то, что ей принадлежитъ. Слѣдовательно, государство является регуляторомъ и контролёромъ не только частныхъ имуществъ, но также семейной и домашней жизни. Авторитетъ его такимъ образомъ законно вторгается въ завѣтный кругъ, за которымъ думаетъ укрыться воля частнаго лица. А разъ проникнувъ въ этотъ кругъ, оно стремится занять его всецѣло и безраздѣльно, какъ то обыкновенно и дѣлаютъ всѣ великія державы. Для этого государство пускаетъ въ ходъ новое начало. Возведенное на степень нравственной личности, какъ церковь, университетъ, благотворительное или ученое общество, оно спрашиваетъ себя, не обязано ли оно, подобно всякому корпоративному учрежденію, основанному чтобъ жить и дѣйствовать въ теченіи многихъ вѣковъ, заботиться о собственномъ расширеніи и частнымъ пожизненнымъ интересамъ предпочитать интересы общіе, которые вѣчны? Развѣ эти послѣдніе не составляютъ высшей цѣли, которой должны подчиняться всѣ остальные? Слѣдуетъ ли приносить

этотъ высшій интересъ въ жертву двумъ безпокойнымъ, часто безразсуднымъ и опаснымъ инстинктамъ, каковы совѣсть, изобилующая мистическими нелѣпостями, и честь, подстрекательства которой нерѣдко приводятъ къ убійству? Конечно нѣтъ. Государство въ важнѣйшихъ своихъ отправленіяхъ, а именно, когда, въ качествѣ законодателя, регулируетъ бракъ, наслѣдство, завѣщаніе, руководится не однимъ только уваженіемъ къ волѣ частнаго лица. Оно не довольствуется тѣмъ, что обязываетъ cadaго платить свои долги, включая сюда и подразумѣваемые, невольные и естественные. Во всемъ этомъ оно прежде всего беретъ въ расчетъ общій интересъ и сообразуется съ дальнѣйшими вѣроятностями, съ будущими случайностями дѣла, — со всѣми его единичными и коллективными результатами. Допуская или запрещая разводъ, расширяя или ограничивая смыслъ того, что человѣкъ можетъ завѣщать, покровительствуя, или наоборотъ, передачѣ наслѣдствъ, оно, очевидно, главнымъ образомъ имѣетъ въ виду политическую, экономическую или общественную пользу, въ родѣ упроченія союза между двумя полами, укрѣпленія въ семьѣ дисциплины или родственныхъ связей, возбужденія въ дѣтяхъ духа мира и согласія, воспитанія для

націи штаба естественныхъ вождей или арміи мелкихъ собственниковъ: все это такія дѣйствія, которыя встрѣчаютъ всеобщее одобреніе. Но кромѣ того государство, все съ общаго согласія, дѣлаетъ еще и много другаго, выходящаго изъ круга первоначально опредѣленной для него дѣятельности. Но никто не думаетъ, что оно превышаетъ свою власть, когда чеканитъ монету, опредѣляетъ вѣсы и мѣры, учреждаетъ карантинныя, употребляетъ въ пользу общества выморочныя частныя имущества, строить маяки, гавани, доки, каналы, пути сообщенія, — когда беретъ на себя издержки по ученымъ экспедиціямъ, по устройству музеевъ и публичныхъ библіотекъ. Иногда терпѣливо смотрятъ и на то, если государство оказываетъ поддержку университетамъ, училищамъ, церквамъ, театрамъ. Въ оправданіе всякаго новаго вымогательства у частныхъ лицъ денегъ, неизмѣнно приводится одна и та же причина: общая польза. Но почему же тогда государству не взять на себя руководства и всѣми безъ исключенія предпріятіями, клонящимися къ пользѣ общей? Зачѣмъ ему колебаться и не брать на себя веденія каждаго выгоднаго для общества дѣла, или воздерживаться отъ запрещенія каждаго невыгоднаго? Но здѣсь надо замѣтить

слѣдующее: въ человѣческомъ обществѣ всякое совершеніе или несовершенство дѣйствія, будь оно единичное, отдѣльное, даже тайное, всегда приносить обществу долю прибыли или убытка. Если я не пекусь о своей собственности, о своемъ здоровьѣ, о своемъ умѣ или душѣ, я тѣмъ самымъ ослабляю въ своемъ лицѣ одного изъ членовъ общины, которая богата, здорова и сильна лишь вслѣдствіе богатства, здоровья и силы всѣхъ своихъ членовъ вообще и каждаго въ отдѣльности. Съ этой точки зрѣнія всѣ мои частныя поступки становятся общественнымъ добромъ или зломъ. Чего же въ такомъ случаѣ государству церемониться и не предписывать мнѣ, однихъ и не запрещать другихъ? Отчего бы ему, въ видахъ наилучшаго пользованія такимъ правомъ и наиболѣе успѣшнаго отправленія такой обязанности, не сдѣлаться прямо всеобщимъ поставщикомъ труда и всеобщимъ раздавателемъ произведеній? Почему бы ему не быть единственнымъ земледѣльцемъ, фабрикантомъ, купцомъ, — единственнымъ собственникомъ и администраторомъ въ цѣлой Франціи? А потому именно, что это было бы противно общей пользѣ: здѣсь то самое начало, которое выдвигалось противъ личной независимости человѣка, начинается дѣйство-

вать обратно, и изъ противника ея превращается въ защитника. Оно не только не даетъ государству свободы, но налагаетъ на него еще новую цѣпь и укрѣпляетъ ограду, за которою современные совѣсть и честь держать этого общественнаго стража.

V.

Но въ чемъ, на самомъ дѣлѣ, состоитъ общественное благо? Въ интересъ всѣхъ и cadaго, т. е. во всеобщемъ интересѣ. Интересъ cadaго заключается въ благахъ, обладаніе которыми пріятно, а недостатокъ въ которыхъ тягостенъ. Цѣлый міръ напрасно сталъ бы это отвергать. Всякое ощущение лично. Мои страданія и наслажденія неоспоримы, а равно и моя склонность ко всему, доставляющему мнѣ удовольствіе, и мое отвращеніе къ тому, что причиняетъ мнѣ непріятность. Слѣдовательно, невозможно никакое произвольное толкованіе частнаго интереса отдѣльной личности: онъ существуетъ какъ фактъ, независимо отъ законодателя. Остается только показать, въ чемъ заключается этотъ интересъ и что каждая личность предпочитаетъ. Предпочтенія видоизмѣняются

согласно расѣ, времени, мѣсту и обстоятельствамъ. Но между благами, къ обладанію которыхъ люди постоянно стремятся, и недостатокъ въ которыхъ имъ всегда страшень, есть одно особенно выдающееся. Какъ только люди начинаютъ его непосредственно желать, оно, по мѣрѣ успѣховъ цивилизаціи, пріобрѣтаетъ все больше значенія, а лишеніе въ немъ становится все ощутительнѣе. Благо это — въ полномъ обладаніи каждаго собственной личностью, въ правѣ по своему мыслить, вѣрить, молиться, по произволу соединяться съ другими или дѣйствовать особнякомъ — и такъ всегда и во всемъ безпрепятственно. Говоря короче, благо это въ личной свободѣ. Она во всѣ времена составляла одну изъ величайшихъ нуждъ чловѣка, въ наши же дни она является величайшею изъ всѣхъ его нуждъ. На это имѣются двѣ причины: одна естественная, другая историческая. Естественно — чловѣкъ представляетъ изъ себя самостоятельную личность, то есть отдѣльный маленькій міръ, отдѣльный центръ въ кругу, отдѣльный самъ по себѣ законченный организмъ; и онъ страдаетъ, если вмѣшательство посторонней силы препятствуетъ свободному дѣйствию его наклонностей. Исторически — это организмъ сложный, со

слѣдами на немъ трехъ или четырехъ религій, пяти или шести цивилизацій и тридцати вѣковъ непрестаннаго развитія. Это организмъ, въ которомъ слиты вмѣстѣ всѣ его прошлыя пріобрѣтенія и перекрещены между собой всѣ унаслѣдованныя имъ черты. Накопленные въ немъ спеціальныя штрихи дѣлаютъ изъ него существо самое оригинальное и чувствительное. Съ успѣхами цивилизаціи онъ становится еще сложнѣе, оригинальнѣе и чувствительнѣе. Изъ этого слѣдуетъ, что чѣмъ выше цивилизація, тѣмъ сильнѣе въ человѣкѣ отвращеніе къ принужденію и однообразію. Въ наши дни каждая личность является конечнымъ и своеобразнымъ результатомъ обширной работы въ видѣ сооруженія, гдѣ каждый этажъ только однажды созданъ по извѣстному образцу. Это существо высшаго разряда, единственное въ своемъ родѣ растеніе, которое, вслѣдствіе своего собственнаго внутренняго строенія и своего особеннаго, съ нимъ нераздѣльнаго типа, не можетъ производить иныхъ, кромѣ ему одному свойственныхъ плодовъ. Ничто не могло бы быть противнѣе интересамъ дуба, какъ еслибъ изъ него стали выгонять яблоки, или интересамъ яблони, какъ еслибъ изъ нея стали выгонять желуди.

Ничто не могло бы быть противнѣе интересамъ дуба и яблони вмѣстѣ, а равно и всякаго другаго дерева, какъ еслибъ ихъ стали подрѣзывать, гнуть и подгонять подъ одну и ту же форму, изображаемую на бумагѣ скудной фантазіей геометра. Изъ этого слѣдуетъ, что главный интересъ каждаго въ томъ, чтобъ терпѣть какъ можно меньше стѣсненій. Послѣднія допускаются лишь въ видахъ огражденія личности отъ другихъ, еще худшихъ стѣсненій, особенно отъ тѣхъ, какія причиняются злоумышленниками или иностранцами. Постороннее вмѣшательство благотворно лишь въ этомъ смыслѣ: заходя дальше, оно уже превращается въ то самое зло, предотвращать которое берется. На этомъ основаніи и государство, имѣя прежде всего въ виду общее благо, должно ограничиваться исключительно этой задачей. Оно обязано: предупреждать стѣсненія и потому прибѣгать къ нимъ само только съ цѣлью противодѣйствія худшему злу; обеспечивать за каждой личностью уваженіе къ ея внѣшнему и внутреннему міру; заглядывать въ этотъ міръ лишь съ помянутою цѣлью и затѣмъ немедленно оттуда удаляться; воздерживаться отъ всякаго нескромнаго вмѣшательства. Мало того, оно еще должно, на сколько то возможно безъ ущер-

ба общественной безопасности, уменьшать размѣры старыхъ налоговъ, доводить до минимума свои требованія денегъ и услугъ, постепенно суживать кругъ своей даже полезной дѣятельности, брать на себя какъ можно меньше задачъ, предоставлять каждому какъ можно больше инициативы, постепенно отказываться отъ конкуренціи съ частными обществами и предоставлять послѣднимъ всѣ обязанности, которыя тѣ могутъ также хорошо нести. Изъ этого ясно, что границы, предписываемыя государству общей пользой, тѣже, какія ему указываютъ долгъ и справедливость.

VI.

Возьмемъ теперь въ соображеніе не прямой, а косвенный интересъ всѣхъ и cadaго. Займемся вмѣсто человѣка его работой. Взглянемъ на человѣческое общество какъ на матеріальную и нравственную мастерскую, главное достоинство которой въ превосходной степени ея производительности и экономіи и въ томъ еще, что она лучше всякой другой снабжена матеріаломъ и лучше управляется. Но и съ этой точки зрѣнія, при этой второстепенной и подчиненной цѣли, кругъ дѣятельности государства остается по прежнему ограниченнымъ. Лишь весьма немногія изъ этихъ новыхъ отправленій могутъ быть ему поручены, — остальнымъ, почти всѣмъ безъ исключенія, лучше находиться въ рукахъ независимыхъ лицъ или естественныхъ и добровольныхъ ассоціацій. Посмотрите на человѣка, занятаго собствен-

нымъ дѣломъ, на земледѣльца, фабриканта, купца: какъ серьёзно, съ какой любовью онъ къ нему относится. Въ этомъ дѣлѣ замѣшаны его интересы и его гордость. Съ нимъ связаны его собственное благосостояніе и благополучіе близкихъ, его капиталъ, положеніе и повышеніе въ обществѣ. Съ другой стороны ему грозятъ нужда, разореніе, позоръ, зависимость, банкротство, богодѣльня. Въ виду этихъ двухъ возможностей, онъ зорко слѣдитъ за своими дѣлами и изоощряется въ веденіи ихъ. Мысль о собственномъ дѣлѣ не покидаетъ его даже въ постелѣ и за столомъ. Вдали, онъ его обдумываетъ теоретически, въ общихъ чертахъ,— вблизи, на мѣстѣ, изучаетъ практически и подробно, со всѣхъ сторонъ, постоянно взвѣшивая трудности и стараясь ихъ обойти. Проницательности его и осторожности нѣтъ границъ. Никто другой не въ состояніи разрѣшить проблему, которую онъ ежедневно рѣшаетъ, потому что никто другой не владѣетъ такъ, какъ онъ, даннымъ предметомъ и не въ состояніи съ такою точностью взвѣсить всѣхъ элементовъ, входящихъ въ составъ его предпріятія. Сравните теперь это особенное рвеніе и приспособленность къ дѣлу съ обычной долей знанія и съ однообразно вялой исполнитель-

ностью какого-нибудь надсмотрщика или управляющего, даже если тотъ опытенъ и честенъ. Послѣдній увѣренъ въ жалованьѣ пока сносно исполняетъ свою обязанность, т. е. занимается дѣломъ въ теченіи опредѣленныхъ на то часовъ. Если у него въ порядкѣ книги и бумаги и онъ не отступаетъ отъ правилъ и традицій той конторы, гдѣ работаетъ, отъ него ничего больше и не требуютъ. Если же ему случится придумать какую-либо экономическую мѣру или улучшение по своей отрасли дѣла, выгоды отъ нихъ получить не онъ, а публика, эта анонимная, неопредѣленная личность. И дѣйствительно, что ему за охота хлопотать, когда онъ заранѣе знаетъ, что всякая задуманная имъ реформа, всякій его проектъ такъ и останутся гдѣ-нибудь лежать на полкѣ. Машина слишкомъ громадна, сложна, тяжеловѣсна, не податлива; она съ ржавыми колесами, «съ установившейся старой репутаціей и правами», а потому и не можетъ быть произвольно перестроена, какъ какая-нибудь ферма, кладовая или плавильня. Отсюда равнодушіе управляющаго къ дѣлу. Уходя изъ конторы, онъ о немъ перестаетъ думать, предоставляет ему идти по разъ заведенному порядку, на удачу, не обращая вниманія на то,

что производство дорого обходится, а результаты безразличны. Даже въ странѣ, гдѣ честность такъ распространена, какъ во Франціи, дознано, что всякое предпріятіе, руководимое государствомъ, стодить на одну четверть дороже и приносить одной четвертью меньше прибыли, чѣмъ то, которое ведется частными лицами. Слѣдовательно, еслибъ трудъ совсѣмъ отошелъ отъ частныхъ лицъ и былъ окончательно предоставленъ государству, то, при сведеніи счетовъ, общество оказалось бы на половину въ потерѣ.

Все это одинаково относится ко всякаго рода умственному и матеріальному труду, — не только къ земледѣлію, промышленности и торговлѣ, но и къ произведеніямъ искусства, къ литературѣ и философіи, къ благотворительности, воспитанію и пропагандѣ. И это не только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ побудительной силой является эгоизмъ въ видѣ мелкаго интереса или тщеславія, но и повсюду, гдѣ замѣшано безкорыстное чувство, подстрекающее къ открытію новыхъ истинъ, къ изящному творчеству, къ распространенію вѣрованій и убѣжденій, къ религіозному энтузіазму, къ подвигамъ великодушія, къ любви въ широкомъ и тѣсномъ смыслѣ, — той, которая охватываетъ все человѣчество

или же касается лишь близких друзей. Въ обоихъ случаяхъ и дѣйствіе и причина одни и тѣже. Повсюду, гдѣ не стѣснена личная энергія, побудительная сила громадна, почти безконечна, потому что она исходитъ изъ живаго источника, который неизсякаемъ и струится во всякое время. Мать непрестанно думаетъ о своемъ ребенкѣ, ученый о наукѣ, художникъ объ искусствѣ, изобрѣтатель о своемъ изобрѣтеніи, филантропъ о пожертвованіяхъ, Фарадей объ электричествѣ, Стефенсонъ о локомотивѣ, Пастёръ о микробахъ, Лесепсъ о своемъ перешейкѣ, сестры милосердія о бѣдныхъ. Благодаря этой особенной сосредоточенности мысли, человѣкъ извлекаетъ выгоды изъ всѣхъ человѣческихъ способностей и окружающихъ его предметовъ. Онъ самъ дѣлается все болѣе и болѣе усовершенствованнымъ инструментомъ и въ тоже время настраиваетъ другіе, подобные ему, инструменты. Онъ ежедневно уменьшаетъ треніе могучей машины, которою управляетъ и гдѣ самъ составляетъ главное колесо. Онъ соблюдаетъ въ ней экономію, поддерживаеетъ, исправляетъ, совершенствуетъ ее съ умѣньемъ и успѣхомъ, въ которыхъ никто не сомнѣвается, — однимъ словомъ, онъ занимается производствомъ высшаго

разряда. Но живой источникъ, гдѣ онъ черпаетъ свое превосходство, не можетъ быть отъ него отдѣленъ. Источникъ этотъ въ привязанностяхъ и сокровеннѣйшихъ чувствахъ производителя. Одинъ безъ другого бесполезны. Отдѣлите источникъ отъ производителя, передайте его въ постороннія руки, онъ перестанетъ течь и производство прекратится. Слѣдовательно, въ случаяхъ, когда требуется усиленное производство, управление машиной должно быть предоставлено самому производителю. Онъ есть тотъ настоящій собственникъ, который, неотступно при ней находясь, приводитъ ее въ движеніе, — прирожденный, специально для того предназначенный инженеръ. Напрасны были бы попытки отвести воды источника въ другую сторону: это повело бы лишь къ закрытію естественнаго выхода. Въ концѣ концовъ получилась бы плотина, которая запрудила бы полезные стоки; то былъ бы случайный отводъ, который, вмѣсто выгодъ, приносилъ бы убытки. Источникъ превратился бы въ болото, или же сталъ бы не производительно тратить свои воды, размывая крутые берега оврага. Въ крайнемъ случаѣ миллионы ведеръ воды, насильственно вычерпнутой изъ частныхъ резервуаровъ, едва до половины напол-

нили бы большой центральный искусственный бассейнъ. А въ немъ мелкая, стоячая вода никогда не приобрѣла бы ни силы, ни объѣма, достаточныхъ для того, чтобы приводить въ движеніе огромное колесо, которое замѣнило бы въ національномъ трудѣ частныя колеса меньшихъ размѣровъ.

Такимъ образомъ, даже если смотрѣть на людей исключительно какъ на фабрикантовъ и производителей всего цѣннаго и полезнаго и не имѣть въ виду ничего другаго, кромѣ снабженія общества предметами потребленія и удовлетворенія потребителей, то и тогда въ кругъ частной дѣятельности будутъ входить всѣ дѣла, которыя, подъ вліяніемъ личнаго вкуса и личнаго интереса, предпринимаются частными лицами въ одиночку или въ соединеніи съ другими. Этого достаточно, чтобъ обезпечить за ними лучшее управленіе, чѣмъ еслибъ ими руководило государство, и вотъ почему они на самомъ дѣлѣ находятся въ рукахъ частныхъ лицъ. Значить, на обширномъ поприщѣ труда люди сами выбираютъ свои задачи, — сами, собственной властью, воздвигаютъ вокругъ себя ограду. На этомъ основаніи здѣсь они могутъ произвольно расширять свою область и безконечно съуживать об-

ласть государства. Последнее же, напротивъ, не можетъ претендовать ни на что большее противъ того, что ему оставляется. По мѣрѣ движенія людей впередъ по раздѣленному на участки, но плохо размежеванному полю, государство обязано ретироваться и уступать имъ мѣсто. Какое бы предпріятіе они ни задумали, оно не должно вмѣшиваться, исключая развѣ только въ случаяхъ несостоятельности, продолжительнаго отсутствія или когда имѣются доказательства, что дѣло брошено. Значить, на долю государства выпадаетъ то, что остается за этимъ, и прежде всего обязанности, на которыя частныя лица никогда не заявляютъ претензій, но, напротивъ, всегда ему охотно уступаютъ, такъ какъ не располагаютъ вооруженной силой — этимъ необходимымъ и единственнымъ пригоднымъ для ихъ отправленія спеціальнымъ средствомъ. Въ кругъ такихъ обязанностей входятъ: защита отъ нападений со стороны другихъ общинъ и защита одной личности противъ другой, наборъ солдатъ, обложеніе податями, приведеніе въ дѣйствіе законовъ, отправленіе правосудія и полицейская администрація. Затѣмъ слѣдуютъ дѣла, касающіяся всѣхъ вообще и никого въ особенности: управленіе незаселенными мѣстностями, администрація

рѣкъ, прибрежій, лѣсовъ, общественныхъ дорогъ и покоренныхъ земель, составленіе законовъ, чеканка монеты, изданіе гражданскаго статута, веденіе отъ имени общины переговоровъ съ мѣстными и спеціальными корпораціями, департаментами, обществами, банками, церквами, университетами и другими тому подобными учрежденіями. Прибавьте къ этому еще разныя добровольныя, вызываемыя обстоятельствами вспомошествованія со стороны ¹⁾ государства, напримѣръ выдачу субсидій полезнымъ учрежденіямъ, для содержанія которыхъ частныя средства недостаточны. Въ такихъ случаяхъ содѣйствіе государства выражается то въ формѣ концессій разнымъ корпораціямъ, за что тѣ, въ свою очередь, принимаютъ на себя соотвѣтственныя обязательства въ отношеніи его, то въ гигиеническихъ мѣрахъ, кото-

---

¹⁾ Когда предполагаемая обязанность неопредѣленнаго или сложнаго характера, то при рѣшеніи вопроса, на чью долю должна она выпасть — государства или частныхъ лицъ — надо примѣнять слѣдующее правило. Также точно и при опредѣленіи степени участія каждаго изъ двухъ началъ въ смѣшанныхъ случаяхъ. Когда частныя лица, одно изъ нихъ или многія вмѣстѣ, прямо заинтересованы въ какомъ-либо спеціальномъ отправленіи, или же испытываютъ къ нему прямое влеченіе, а община имѣетъ косвенный интересъ, то отправленіе должно быть предо-

рыми частныя лица пренебрегаютъ изъ равнодушія. Иногда государство еще оказываетъ чело-вѣку единовременное пособіе, съ цѣлью его под-держать или подстрекнуть къ тому, чтобъ онъ впередъ самъ о себѣ пѣкся. Далѣе слѣдуетъ во-обще всякое скромное вмѣшательство, которое въ данный моментъ едва замѣтно, но обѣщаетъ богатые результаты въ будущемъ. Таковы напр. полныя предусмотрительности законодательныя и другія соотвѣтственныя этимъ постановленія, которыя, не затрогивая свободы существующихъ личностей, обезпечиваютъ благосостояніе гря-дущихъ поколѣній. Но въ этомъ все: дальше государство не должно стремиться.

ставлено частнымъ лицамъ, а не государству. Если же, съ другой стороны, интересъ общины въ той или другой функціи прямой, а интересъ частныхъ лицъ — одного или многихъ — косвенный, то функція эта должна быть предоставлена не частнымъ лицамъ, а государству. На основаніи этого правила можно опредѣлять границы круга общественнои и частной дѣятельности. А по движенію взадъ и впередъ этихъ границъ можно повѣрять измѣненія, совершающіяся въ прямыхъ или косвенныхъ интересахъ и предпочтеніяхъ.

VII.

Но и въ подготовленіи будущаго благосостоянія опять-таки дѣйствуетъ тоже самое правило. Въ числѣ драгоцѣнныхъ произведеній самое первое и самое драгоцѣнное — это тотъ живой, дышащій предметъ, который называется человѣкомъ и производитъ все остальное. Изъ этого слѣдуетъ, что прежде всего надо имѣть въ виду воспитаніе людей, способныхъ къ труду физическому, умственному, нравственному, — къ труду самому энергическому, настойчивому и производительному. Намъ уже извѣстны условія такого воспитанія. Самое главное — и этого вполне достаточно — надо чтобъ живой источникъ, о которомъ говорено выше, могъ течь въ своемъ собственномъ руслѣ, имѣть свой естественный выходъ и вполне находится подъ контролемъ своего собственника. При этомъ теченіе

его становится полнѣе и первоначальнымъ водамъ его сообщается дополнительная сила. Практика изоцряетъ изобрѣтателя и сообщаетъ ему знаніе; онъ дѣлается все искуснѣе, а окружающіе его становятся лучшими работниками, на сколько находятъ поощреніе въ его успѣхѣхъ, и пользуются его открытіями. Такимъ образомъ единственно потому только, что государство уважаетъ и заставляетъ уважать другихъ эти частныя источники въ частныхъ рукахъ, — въ отдѣльныхъ личностяхъ и ихъ окружающихъ развивается талантъ производить много и хорошо, а также способность и желаніе производить больше и лучше. Другими словами, различныя энергіи и способности развиваются, каждая въ своемъ родѣ и на своемъ мѣстѣ, съ соотвѣтственной силой и пользой. Такова единственная обязанность государства, — во-первыхъ, по отношенію къ мутнымъ и холоднымъ струямъ, которыя вытекаютъ изъ эгоизма и самомнѣнія и дѣйствія которыхъ требуютъ постояннаго за ними наблюденія, а во-вторыхъ, и что еще важнѣе, по отношенію къ горячимъ и чистымъ источникамъ семейной привязанности и частной дружбы, въ дѣйствіяхъ которыхъ нѣтъ примѣси зла. Тоже самое относится и къ рѣдкимъ и высокимъ свойствамъ,

каковы: любовь къ изящному, стремленіе къ истинѣ, духъ товарищества, патріотизма, любви къ человѣчеству, — а въ заключеніе, и это всего важнѣе, и къ двумъ самымъ священнымъ и полезнымъ источникамъ: совѣсти, которая дѣлаетъ волю покорной слугою долга, и чести, опираясь на которую воля является энергической защитницею права. Пусть государство только оберегаетъ ту и другую и воздерживается отъ всякаго вмѣшательства въ кругъ ихъ дѣйствія: это одно да будетъ его цѣлью. Вниманіе столь же необходимо сколько и бдительность. Стоитъ государству лишь внимательно ограждать совѣсть и честь людей и оно увидитъ, какъ быстро, ежечасно, согласно съ условіями времени и мѣста, начнутъ размножаться самые усердные и способные работники, земледѣльцы, фабриканты, купцы, ученые, художники, изобрѣтатели, пропагандисты, мужья и жѣны, отцы и матери, патріоты, филантропы и сестры милосердія.

Если же, напротивъ, государство станетъ, на подобіе нашихъ яacobинцевъ, конфисковать въ свою пользу всякую естественную силу; если оно захочетъ, чтобы любовь къ нему была преобладающею; если оно постарается упразднить всѣ другія страсти и интересы и станетъ отно-

ситься съ нетерпѣніемъ ко всему, что не имѣеть въ виду пользу общую; если оно будетъ пытаться насильственно обращать каждаго члена общества въ спартанца или іезуита — тогда оно причинитъ большія потери, не только иссушитъ всѣ частные источники и подвергнетъ опустошенію всю территорію, но еще дастъ изсякнуть и своему собственному ключу. Мы уважаемъ государство только за услуги, которыя оно намъ оказываетъ; мы соразмѣряемъ наше уваженіе къ нему лишь съ этими услугами и съ безопасностью и свободой, которыя оно, подъ именемъ всемірнаго благодѣтеля, за нами обеспечиваетъ. Когда же оно обдуманно насъ оскорбляетъ въ нашихъ самыхъ дорогихъ интересахъ и въ нашихъ нѣжнѣйшихъ чувствованіяхъ, когда оно затрогиваетъ нашу честь и совѣсть и дѣлается всеобщимъ притѣснителемъ, наша привязанность къ нему съ теченіемъ времени превращается въ ненависть. Въ случаѣ же, если подобная система длится — патриотизмъ, а съ нимъ и всѣ другіе благотворные ключи изсякають: въ заключеніе отъ нихъ остаются однѣ стоячія лужи, или же они разливаются и наводняютъ всю страну, населенную выдрессированными рабами или противозаконными разбойниками. Какъ въ четвертомъ

столѣтіи въ Римской Имперіи, въ семнадцатомъ вѣкѣ въ Италіи и въ наши дни въ Турціи, такъ точно видимъ мы въ такихъ случаяхъ повсюду, что люди превращаются въ грубое стадо отупѣвшихъ существъ, покорныхъ исключительно животному инстинкту и заботящихся лишь объ удовлетвореніи ежедневныхъ нуждъ. Они равнодушно относятся къ общему благу и даже къ своимъ собственнымъ интересамъ, и до того вырождаются, что забываютъ и свои изобрѣтенія, и свою науку, и искусства. Однимъ словомъ, и что всего хуже, мы имѣемъ тогда дѣло съ низкими, лживыми, испорченными существами, въ конецъ лишенными чести и совѣсти. Ничто не можетъ быть гибельнѣе неограниченнаго вмѣшательства государства, даже мудраго и отеческаго. Во время господства въ Парагваѣ іезуитовъ, при ихъ полной мелочныхъ подробностей системѣ воспитанія, «фізіогномія индѣйцевъ напоминала видъ животнаго, попавшаго въ ловушку». Они работали, пили, ѣли, рождали, все по звуку колокола, подъ непрерывнымъ надзоромъ, правильно и механически, но ни къ чему не проявляли склонности и оставались равнодушными даже къ собственной жизни; однимъ словомъ, они были превращены въ автоматовъ.

Въ защиту этой системы можно сказать развѣ только то, что результаты, какіе она дала, были достигнуты короткими мѣрами. Въ настоящее время революціонные іезуиты тоже стремятся превратить людей въ автоматовъ, но средства ихъ жестокиа.

VIII.

Въ европейской исторіи нерѣдки примѣры почти столь же жестокаго деспотизма, тяготѣвшаго надъ усиліями человѣческой воли. Но никогда еще не бывалъ этотъ деспотизмъ такъ непроизводителенъ, потому что никогда еще никто не пытался поднять столь тяжелую массу такимъ короткимъ рычагомъ. И прежде всего, какъ бы ни былъ необузданъ произволь, его вмѣшательству всегда полагались предѣлы. Филиппъ II жегъ еретиковъ, преслѣдовалъ мавровъ, гналъ евреевъ; Людовикъ XIV насильно обращалъ въ католичество протестантовъ. Но и тотъ и другой дѣйствовали исключительно противъ диссидентовъ, т. е. всего противъ пятнадцатой или двадцатой части своихъ подданныхъ. Если Кромвель, сдѣлавшись протекторомъ, самъ оставался сектаторомъ и состоялъ обязательнымъ

слугой арміі сектаторовъ, за то онъ крайне остерегался навязывать другимъ церквамъ догматы, обряды и дисциплину собственной церкви¹). Напротивъ, онъ укрощалъ взрывы фанатизма, покровительствовалъ анабаптистамъ наравнѣ съ пресвитеріанцами, надѣлялъ ихъ доходными мѣстами, не препятствовалъ отправленію ихъ богослуженія и съ либеральной терпимостью относился къ послѣдователямъ епископальной церкви. Онъ поддерживалъ два англиканскія университета и позволилъ евреямъ выстроить синагогу. Фридрихъ II вербовалъ въ свою армію столько здоровыхъ поселянъ, сколько могъ прокормить. Онъ въ теченіи двадцати лѣтъ держалъ ихъ на службѣхъ подъ дисциплиной хуже всякаго рабства и съ перспективой почти вѣрной смерти въ виду. А въ послѣднюю свою войну онъ принесъ въ жертву около шестой части всѣхъ своихъ подданныхъ мужескаго пола²). Но солдаты его были изъ крѣпостныхъ, а мѣщанъ онъ не касался. Правда, онъ запускалъ руки въ карманы и мѣщанъ, и всѣхъ другихъ сословій и очищалъ ихъ до послѣдней копѣйки. Но за то админи-

¹) Carlyle: Cromwell's Speeches and Letters, III. 418. (Cromwell's Address to Parliament, September 17, 165).

²) Seeley: Life and Times of Stein. II. 143.

страція подь его зоркимъ наблюденіемъ отличалась честностью, а полиція исполнительностью; правосудіе при немъ исправно отправлялось, терпимость была безграничная и свобода печати полная. Король допускалъ печатаніе и публичную продажу въ Берлинѣ самыхъ ѣдкихъ на себя памфлетовъ. Петръ Великій подгонялъ московскихъ медвѣдей, дрессировалъ ихъ и заставлялъ плясать на европейскій ладъ. Но онъ оставался православнымъ главою ихъ церкви и не трогалъ міра (крестьянской общины). Наконецъ, всякій калифъ или султанъ, Омаръ или Магометъ, фанатикъ-арабъ или грубый турокъ, побѣждавшіе христіанъ силой меча,—и тѣ всегда умѣли ограничивать свой произволь. Облагая покоренныхъ непомерной данью, подвергая ихъ какъ подданныхъ низшаго разряда, ежедневнымъ истязаніямъ, они не трогали ихъ религіи, ихъ гражданскихъ законовъ и семейныхъ обычаевъ. Они позволяли имъ сохранять свои учрежденія, монастыри, школы и предоставляли имъ управленіе собственно общиною подь вѣдѣніемъ патріарха или какого-либо другаго мѣстнаго вождя. Итакъ, каковъ бы ни былъ правитель онъ не пытался пересоздавать челоуѣка и всѣхъ своихъ подданныхъ перекраивать по одному об-

разцу. Какъ бы далеко не заходилъ его произ-
воль, онъ касался лишь извѣстнаго класса: дру-
гіе оставались внѣ его сѣтей. Онъ оскорблялъ
чувства лишь меньшаго, неумѣющаго за себя
постоять меньшинства. У способнаго же къ са-
мозащитѣ большинства всегда уважались ихъ
чувства, особенно въ отношеніи религіи, чести,
частныхъ привычекъ и наслѣдственныхъ обы-
чаевъ. Но и съ меньшинствомъ поступалось осто-
рожно и умѣренно, особенно въ томъ, что ка-
салось ихъ собственности, личнаго благосостоя-
нія и общественнаго положенія. Такимъ обра-
зомъ, осмотрительность со стороны правителя
уменьшала оппозицію со стороны подданнаго.
Смѣлое, даже зловредное предпріятіе не каза-
лось столь оскорбительнымъ. Оно могло имѣть
успѣхъ, такъ какъ для того требовалась лишь
сила, равная вызванному сопротивленію.

Силою этою властитель опять-таки распола-
галъ. Въ его распоряженіи было много очень
сильныхъ рукъ, всегда готовыхъ ему помо-
гать и противодѣйствовать оппозиціи. За Фи-
липпомъ II и за Людовикомъ XIV стояло като-
лическое большинство, столь же фанатическое
и мало либеральное, какъ самъ король: оно или
подстрекало, или, во всякомъ случаѣ, терпимо

относилось къ гоненію на диссидентовъ. Филиппу II, Людовику XIV, Фридриху II и Петру Великому помогала вся нація. Подданные тѣснились вокругъ монарха, связанные съ нимъ его священнымъ титуломъ и его неопровержимыми правами, собственнымъ суровымъ чувствомъ долга и смутной идеей общей безопасности. Въ числѣ сотрудниковъ Петра Великаго были всѣ выдающіеся и образованные люди въ странѣ. Въ распоряженіи Кромвеля находилась хорошо дисциплинированная, въ двадцати сраженіяхъ побѣдоносная армія. Вслѣдъ за калифомъ и султаномъ шель ихъ воинственный привилегированный народъ. Съ такою помощью не трудно было поднять тяжелую массу и держать ее въ извѣстномъ положеніи. Стоило только опредѣлить это положеніе, какъ появлялось своего рода равновѣсіе и надо было лишь небольшое ежедневное усиленіе, чтобы не дать массѣ упасть.

Совсѣмъ иное видимъ мы у якобинцевъ. По мѣрѣ того, какъ они проводятъ свою теорію, они становятся все требовательнѣе, и съ каждымъ новымъ требованіемъ прибавляютъ по лишней тяжести къ поднимаемой массѣ, вѣсь которой мало по малу выходитъ изъ всякихъ границъ. Первоначально якобинцы ограничивались напад-

ками на королевскую власть, на дворянство, на церковь, на парламентъ, на привилегіи, на церковныя и феодальныя имущества, — словомъ, на средневѣковыя учрежденія. Нынѣ они поднимаютъ руку на болѣе старыя и прочныя учрежденія, на положительную религію, на собственность и на семью. Четыре года тому назадъ они довольствовались разрушеніемъ, теперь стремятся создавать. Имъ уже мало уничтоженія положительной религіи, общественнаго неравенства, догматовъ откровенія, установленныхъ вѣроисповѣданій и преимуществъ званія, богатства, досуга, утонченности, изящныхъ вкусовъ. Вдобавокъ ко всему этому, они хотятъ еще преобразить гражданина, создать ему новыя чувства, навязать естественную религію, гражданское воспитаніе, однообразіе въ нравахъ и обычаяхъ, якобинскій образъ дѣйствій, спартанскую добродѣтель. Говоря короче, по ихъ мнѣнію, въ человѣческомъ существѣ не должно оставаться ничего, чтобы ему не было предписано, навязано, насильственно привито. Такого рода революція, естественно, встрѣчаетъ оппозицію не только со стороны приверженцевъ стараго режима, каковы клерикалы, дворяне, защитники парламента, роялисты и католики, — но и

со стороны всѣхъ людей, вкусившихъ европейской цивилизаціи, каждаго члена регулярной семьи, каждаго крупнаго и мелкаго капиталиста, всякаго рода собственника, земледѣльца, фабриканта, купца, художника, фермера и даже огромнаго числа революціонеровъ: послѣдніе почти всѣ стремятся избѣжать стѣсненій, которыя навязываютъ другимъ; они не прочь надѣть горячешную рубашку, только не на свои, а на чужія плечи. Давленіе сопротивляющихся желаній становится непомерно. Легче поднять гору, чѣмъ якобинцамъ имѣть успѣхъ теперь, когда они утратили нравственную силу, посредствомъ которой политическій инженеръ дѣйствуетъ на человѣческія наклонности.

Ихъ не поддерживаешь, какъ Филиппа II и Людовика XIV, нетерпимость огромнаго большинства. Въ ихъ церкви не пятнадцать и не двадцать вѣрующихъ противъ одного еретика, а всего по одному [вѣрующему на пятнадцать и двадцать еретиковъ. ¹⁾ У нихъ нѣтъ за спиной, какъ у законныхъ монарховъ, упорной преданности цѣлаго населенія, которое идетъ вслѣдъ за своимъ вождемъ, увлекаемое обаяніемъ его

---

¹⁾ Cf., Revolution, vol. II

наслѣдственнаго права и своею старинною, въ привычку обратившеюся вѣрностью. Ихъ царство со вчерашняго дня, а сами они самозванцы, которые вышли въ люди, благодаря государственному перевороту (*coup d'état*) и впоследствии утвердились въ своей позиціи, прибѣгнувъ къ подобію выборовъ, гдѣ хитростью и вымогательствомъ добились своего избранія. Они вполне освоились съ насиліемъ и обманомъ. Съ помощью этихъ двухъ орудій якобинское меньшинство одержало въ своемъ собраніи верхъ надъ большинствомъ. Оно этого достигло поднявъ бунтъ, а затѣмъ силой оружія подчинило себѣ провинціи. Далѣе, чтобы придать хоть тѣнь законности своимъ изступленнымъ дѣйствіямъ, якобинцы на скорую руку устроили двѣ пышныя демонстраціи: въ мановеніе ока сострипали конституцію, которой суждено сгнить въ архивѣ, и разыграли скандальный фарсъ насильственнаго плебисцита. Около дюжины ихъ вождей, стоя во главѣ своей партіи въ комитетѣ общественной безопасности, сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ неограниченную власть. Но власть эта, въ томъ видѣ, въ какомъ они сами ее допускаютъ, только представительная. Конвентъ назначаетъ ихъ делегатами; ихъ званіе

временное и они каждый мѣсяцъ вновь утверждаются. Внезапное торжество большинства не сегодня, завтра можетъ низвергнуть ихъ и вмѣстѣ съ ними унести и ихъ дѣло. Ими же самими приученный къ возмущенію народъ можетъ не сегодня, завтра противъ нихъ возстать и стереть съ лица земли не только ихъ самихъ и ихъ дѣло, но точно также и ихъ большинство. Авторитетъ ихъ надъ собственными приверженцами спорный, ограниченный, преходящій. Это не военные вожди, подобные Кромвелю или Наполеону, не предводители арміи, которымъ всё безпрекословно повинуются, а простые ораторы, зависящіе отъ произвола публики. Послѣдняя не знаетъ никакой дисциплины. По теоріи якобинцевъ, каждый якобинецъ независимъ. Онъ признаетъ своихъ вождей лишь на сколько это ему самому выгодно и полезно. Избирая ихъ по произволу, онъ по произволу же можетъ ихъ мѣнять. Довѣріе его къ нимъ измѣнчивое, преданность временная. Придерживаясь того или другаго вождя, якобинецъ руководствуется однимъ своимъ предпочтеніемъ и неизмѣнно сохраняетъ за собой право отречься отъ сегодняшняго своего любимца, такъ же точно, какъ отрекся отъ вчерашняго. Въ этой публикѣ ни малѣйшей под-

чиненности. Послѣдній демогогъ, всякій подстрекаемый честолюбивымъ желаніемъ выдвигнуться впередъ крикунъ, будь онъ Геберъ или Жакъ Ру, можетъ вступить въ борьбу съ облеченнымъ властью шарлатаномъ и стремиться занять его мѣсто. Да и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ пользуется полнымъ и прочнымъ авторитетомъ надъ организованной группой приверженцевъ, якобинскій вождь все-таки остается слабымъ: въ его рукахъ нѣтъ способныхъ орудій, на которыя онъ могъ бы положиться. Почти всѣ его сторонники сомнительной честности и крайне неспособны. Для выполненія пуританской задачи Кромвеля вокругъ него тѣснился нравственный цвѣтъ націи, армія ригористовъ съ узкою совѣстью, но крайне строгихъ къ себѣ и къ другимъ. Эти люди не пьянствовали, не богохульствовали, не предавались ни лѣни, ни сладострастію, не позволяли себѣ никакихъ сомнительныхъ дѣлъ или упущеній. То были самыя честныя, воздержанныя, трудолюбивыя и постоянныя люди. ¹⁾ Они одни могли положить

---

¹⁾ Macaulay, History of England, I. 152. «Сами роялисты признавали, что во всѣхъ отрасляхъ частной промышленности никто не преуспѣвалъ такъ, какъ отставные солдаты. Ни одинъ изъ нихъ не былъ замѣченъ ни

основаніе той практической нравственности, которой и понынѣ еще держатся Англія и Соединенные Штаты. Для выполненія европейской программы Петра Великаго вокругъ него толпился весь умственный цвѣтъ страны, группа даровитыхъ иноземцевъ и природныхъ русскихъ, которые одни могли организовать школы, создать разныя общественныя учрежденія и установить правильную центральную администрацію вмѣстѣ съ правильнымъ распредѣленіемъ по заслугамъ чиновъ и должностей. Эти люди одни были способны воздвигнуть, среди снѣга и грязи безобразнаго варварства, теплицу, въ которой пересаженная какъ экзотическое растеніе цивилизація могла приняться и въ заключеніе вполнѣ акклиматизироваться. Не то видимъ мы съ Кутономъ, Сенъ-Жюстомъ и Робеспьеромъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ сторонниковъ не ихъ утопіи, а блага страны, которые, какъ Карно, имѣли въ виду спасеніе Франціи, окажется, что во-

---

въ грабительствѣ, ни въ воровствѣ; ни одного изъ нихъ никто никогда не видѣлъ просящимъ милостыню, а если какой-либо булочникъ, каменьщикъ или извозчикъ обращалъ на себя вниманіе особеннымъ рвеніемъ и воздержанностью, то онъ по всеѣмъ вѣроятіямъ оказывался однимъ изъ старыхъ солдатъ Оливера.»

кругъ этихъ республиканскихъ вождей группировались одни сектаторы, исключительно жаждавшіе торжества якобинской программы. Все это были люди или на столько близорукіе, что не видѣли всей лжи подносимаго имъ ученія, или же готовые на всѣ крайности фанатики. То была горсть общественныхъ отверженцевъ и неспособныхъ къ дѣлу, но одержимыхъ самомнѣніемъ государственныхъ людей, частью поверхностно образованныхъ, частью душевно больныхъ, съ извращенной совѣстью и необузданнымъ честолюбіемъ, опьянѣвшихъ отъ преступленій, отъ безнаказанности и успѣха. И такъ, если другіе деспоты поднимаютъ умѣренную тяжесть, призывая къ себѣ на помощь цвѣтъ или большинство націи, употребляя въ дѣло лучшія силы страны и по возможности удлиняя рычагъ, — якобинцы пытаются поднять непомѣрную тяжесть, отстраняя отъ себя и большинство, и цвѣтъ націи, и до крайности сокращая рычагъ. Они держатся за его болѣе короткій конецъ, — за грубый, неотесанный, желѣзомъ окованный, скрипящій и стонущій конецъ, то есть прибѣгаютъ къ физической силѣ, къ насилію, къ тяжеловѣсной рукѣ жандарма, на плечѣ подзрѣваемаго, къ ключамъ и запорамъ тюрем-

щика, къ клубу санкюлотовъ, къ пикѣ сентябристовъ, къ ножу гильотины. Это единственныя средства, какими располагають якобинцы для управленія страной: они сами себя лишили другихъ. Но и эти средства они должны постоянно держать у всѣхъ на виду, для того, чтобъ ихъ кровавый образъ неизгладимо начертался въ воображеніи людей. Африканскій деспотъ или папа, которые хотятъ, чтобы, когда они идутъ мимо, передъ ними склонялись всѣ головы, неизбѣжно должны имѣть въ своей свитѣ палачей и злоупотреблять орудіемъ казни. Отъ привычки страхъ притупляется: чтобы поддерживать его всегда на одной и той же степени необходимы частые примѣры. Африканскій монархъ или папа управляютъ посредствомъ страха и потому должны заботиться, чтобъ тотъ не притуплялся. Убивая, они, чтобъ убивать достаточно, должны убивать въ излишкѣ, непрерывно, массами, безъ разбора, на удачу, все равно за что, по малѣйшему подозрѣнію, невинныхъ наравнѣ съ виноватыми. Иначе имъ самимъ не сдобровать и со всѣми своими близкими. Вотъ почему и якобинецъ, желая сохранить свое положеніе во главѣ партіи, неизбѣжно долженъ слѣдовать примѣру африканскаго царька или паши. Такимъ то обра-

зомъ всѣ вожди этой партіи, — всѣ ея естественные, заранѣе намѣченные предводители, — не болѣе какъ теоретики и логики, усвоившіе себѣ основы и конечные выводы яacobинской теоріи, но по ограниченности ума вовсе неспособные понять, что задача ихъ превышаетъ не только ихъ собственныя, но и вообще человѣческія силы. Отъ ихъ проницательности не скрыто, что они могутъ успѣшно дѣйствовать лишь посредствомъ грубой силы, а жестокосердіе ихъ такъ велико, что они пользуются ею безъ зазрѣнія совѣсти и, съ цѣлью возвысить впечатлѣніе ужаса, предаются систематическому убійству во всѣхъ направленіяхъ.

ИЗДАНИЯ А. Е. РЯБЧЕНКО

(СКЛАДЪ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“, ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВЪ)

ЦАРСТВО СКАЗОКЪ

КАРМЕНЪ СИЛЬВА (Елисаветы, королевы румынской).

Перев. съ нѣмецкаго *П. Боборыкина, М. Ватсонъ, В. Гаршина, В. Крестовскаго* (псевдонимъ), *С. Никитенко, О. Хмлевой*. Съ портретомъ и факсимиле автора и рисунками, исполненными въ фото-литографіи *Индутнаго*. Цѣна въ папкѣ 2 р., въ переплетѣ 2 р. 50 к.

УЙДА. СКАЗКИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Перев. съ англійск. *В. Гаршина, А. Каррикъ, В. Ранцова, М. Цебриковой, Л. Шелуновой*. Съ рисунками *Н. Каразина*.

Цѣна книги (до 400 стр.) въ папкѣ 2 р., въ перепл. 2 р. 50 к.

ПОЛЕЗНАЯ ВИБЛИОТЕКА

Выпускъ I. ВОСКРЕСНЫЙ ОТДЫХЪ И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ. Д-ра *П. Нимейера*. Цѣна 40 коп.

Т. РИБО. БОЛѢЗНИ ВОЛИ

Перев. съ франц. (со второго изданія) подъ редакц. д-ра *Б. В. Томашевскаго*. Цѣна 1 р. 50 к.

ГРЯДУЩЕЕ РАВСТВО

Герберта Спенсера. Перев. съ англійскаго. Цѣна 50 к.

ВОСПИТАНІЕ ВЪ ВОЗРАСТѢ ПЕРВАГО ДѢТСТВА.

Д-ра *И. А. Сикорскаго*, доцента психіатріи при воен.-медіц. акад.

Цѣна 1 р. 50 коп., въ папкѣ 1 р. 75 к.

Соціализмъ какъ правительство.

И. Тэна. Перев. съ англ. *С. Никитенко*. Цѣна 50 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ НОВЫЯ ИЗДАНИЯ

ДУША РЕБЕНКА.

Наблюденія надъ духовнымъ развитіемъ человѣка въ первые годы жизни. Соч. *Б. Прейера*, ордин. проф. физиол. въ Гейскомъ унив. д-ра мед. и фил. Перев. *И. А. Сикорскаго*, съ примѣч. и допол..

МОДА ВЪ МЕДИЦИНѢ XIX СТОЛѢТІЯ.

Д-ра *Тибитса*. Перев. съ англійскаго. Цѣна 50 к.

(Складъ въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ и Москвѣ)

Новый Пробирный Уставъ, Высочайше утвер. 9-го февраля 1882 г., съ прилож. относящихся къ нему законоположеній.	30
Положеніе о пошлинахъ съ имуществомъ, переходящихъ безмездными способами (съ наслѣдствъ, даренія и т. п.). Изданіе третье, вновь измѣненное и дополненное согласно Высоч. утв. 14 февраля, 6 марта и 1 мая 1884 г. мн. Гос. Сов. Съ прилож. законной оцѣнки % бумагъ для исчисленія пошлины.	40
Уставъ о гербовомъ сборѣ. Изд. 3-е, измѣн. и дополн. по Прод. Св. Зак. 1883 г. и позднѣйшимъ узаконеніямъ. Съ разъясненіями Правит. Сената и М-ва Фин.	1 р.
Гербовый Уставъ для Царства Польскаго, составленный согласно Высоч. утвржд. 1 Мая 1884 г. мн. Гос. Сов.	1 р.
Положеніе о Крестьянскомъ Поземельномъ банкѣ и Правила объ учетѣ соло-векселей землевладѣльцевъ Государственнымъ Банкомъ. Съ приложеніемъ нормальныхъ и законныхъ оцѣнокъ земель въ разныхъ губерніяхъ и уѣздахъ.	1 р.
Уставъ о Табачномъ Сборѣ. Изданіе второе.	75
Дополненіе къ Уставу о Табачномъ Сборѣ.	25
Правила о взысканіяхъ за нарушенія постанов. о табач. сб. и о порядкѣ производства дѣлъ по симъ нарушеніямъ.	25
Правила о взысканіяхъ за нарушенія постановленій о питейномъ сборѣ и о порядкѣ производства дѣлъ по нарушеніямъ означен. постанов. и правилъ объ акцизѣ съ сахара.	25
Правила содержанія и охраненія паровозныхъ желѣзныхъ дорогъ, открытыхъ для общественнаго пользованія, утвер. Мин. Пут. Сообщ. 15 янв. 1883 г. Изданіе второе.	40
Правила движенія по желѣзнымъ дорогамъ (паровознымъ), утвер. М. П. С. 27 іюня 1883 г.	40
Положеніе о городскихъ общественныхъ банкахъ 1883 г. Изданіе третье, дополненное позднѣйшими разъясненіями и распоряженіями М-ва Фин. (инструкціи, циркуляры).	60

ПЕЧАТАЕТСЯ НОВОЕ ИЗДАНИЕ

ПОЛОЖЕНІЕ

О ПОШЛИНАХЪ ЗА ПРАВО ТОРГОВЛИ И ПРОМЫСЛОВЪ.

7
ព្រះបរមរាជវាំង
ភ្នំពេញ